

“Последний день Матвея Кузьмина”

Есть ли среди нас сейчас такие люди, как Матвей Кузьмин? Не знаю...

Матвей Кузьмин жил в маленькой ветхой избенке, одиноко стоявшей на опушке леса, редко показывался на люди, был угрюм, неразговорчив и любил с собакой, с допотопным ружьишком за плечами в одиночку бродить по лесам и болотам. А весной, когда на деревьях набухали почки и над посиневшими крупитчатými снегами на лесных проталинах начинали токовать глухари, он заколачивал дверь избенки и с внучонком Васей, сиротой, жившим у него, уходил на далекое лесное озеро и пропадал на целые недели.

Колхозники не то чтобы не любили, а как-то не понимали и сторонились его: кто знает, что на уме у человека, который чурается людей, молчит и бродит по лесам неведомо где? Да и охотничья страсть издавна не каждым уважается в деревне. Впрочем, он исправно исполнял в колхозе обязанности сторожа, и хотя перевалило ему уже за восемьдесят, не было в районе человека, который рискнул бы днем или ночью покуситься на добро, охраняемое дедом Матвеем и его лохматым и свирепым Шариком.

Когда военная беда докатилась до озерного Великолукского края и в колхозе "Рассвет" стал на постой лыжный батальон расположившейся в округе немецкой горнострелковой дивизии, командир батальона, которому кто-то рассказал о мрачном, нелюдимом старике, решил, что лучшего человека в старосты ему не найти.

Матвея Кузьмина вызвали в комендатуру, разместившуюся в новом домике колхозного правления. Ему поднесли стакан немецкой водки и предложили тост. Старик поблагодарил, от угощения отказался, посетовав на нездоровье, и должность старосты не принял, сославшись на годы, глухоту и недуги.

Его оставили в покое и даже вернули ему в знак особого расположения старое ружьишко, которое он было сдал по приказу коменданта. Вспомнили немцы о Кузьмине ранней весной, когда стянули в этот озерный край силы для наступления. Дивизия горных стрелков передвинулась к передовым. Батальону, квартировавшему в колхозе "Рассвет", предстояло без боя лесами и болотами просочиться в расположение советских войск и с тыла атаковать передовые заставы части генерала Горбунова. Понадобился проводник, который хорошо знал бы лесные тропы. А кому они могли быть лучше известны, чем деду Матвею?

Старика привели к командиру батальона, и предложил ему офицер ночью, скрытно провести их в тыл советских огневых позиций. За отказ посулил расстрел, а за выполнение задания - денег, муки, керосину, а главное, мечту охотника - двустволку знаменитой немецкой марки "Три кольца". Матвей Кузьмин молча стоял перед офицером, комкая мохнатую и драную баранью шапку. Взглядом знатока посматривал он на ружье, отливавшее на солнце жемчужной матовостью воронения. Офицер нетерпеливо барабанил по столу костяшками пальцев. От этого хмурого, непонятного человека зависела его судьба, судьба батальона, а может быть и результат всей, с такой тщательностью приготавливавшейся операции. И вот теперь, следя за жадными взглядами, которые охотник бросал на ружье, офицер старался понять, что думает сейчас этот старый угрюмый лесной человек.

Хорошее ружьецо,- сказал, наконец, Кузьмин, погладив ствол заскорузлой ладонью, и, покосившись на офицера, спросил: И деньжонок прибавляешь, ваше благородие?

О-о-о! - обрадовано воскликнул офицер. Переведите ему: Он деловой человек. Это хорошо. Скажите ему: Немецкое командование уважает деловых людей. Немецкое командование не жалеет денег тому, кто ему верно служит.

Офицер торжествовал: найден надежный проводник. Но даже не это было для него самым важным. За пять месяцев, проведенных им в хмурых, холодных лесах, куда он попал со своим батальоном из солнечной и веселой даже в своей беде Франции, он начал как-то инстинктивно бояться этих, не понятных ему советских людей, этой хмурой, коварной природы, этих пустынных лесных просторов, где каждый сугроб, каждый куст, каждый пенек мог неожиданно выстрелить, где даже в глубоком тылу, далеко от фронта, приходилось ложиться спать не раздеваясь и класть под подушку револьвер со взведенным курком.

Но деньги, деньги! Оказывается, даже здесь, у этих странных фанатиков, которые при виде наступающего врага сами сжигают свои дома, деньги имеют силу. Как испытующе смотрит на него этот старый человек, старающийся, должно быть, понять, не обманывают ли его, заплатят ли ему!

Скажите ему, что его услуга будет щедро вознаграждена, предложите ему тысячу рублей,- торопливо добавил офицер.

Старик выслушал перевод, долго смотрел на офицера тяжелым взглядом из-под изжелта-серых кустистых бровей и, подумав, ответил: Мало. Дешево купить хотите. Ну, полторы, ну, две тысячи. Половину вперед, ваше благородие.

Посоветовавшись с переводчиком, офицер тщательно отсчитал бумажки. Старик сгреб их со стола своей широкой, жилистой, узловатой рукой и небрежно сунул за подкладку шапки: Ладно. Поведу вас тайными тропами, какие, кроме меня только волки знают. Скажите точно, куда выйти надо.

Ему назвали пункт, хотели показать на карте. Так знаю. Ходил туда лис гонять. Выведу к утру... Только с ружьишком-то не обмани, ваше благородие.

Видели колхозники, как шел он домой из офицерской квартиры, по обыкновению своему молчаливый, замкнутый, ни на кого не глядя, усмехаясь в бороду. На брань, шепотом посылаемую ему в спину, отвечал мрачной ухмылкой, а когда дюжий парень, бывший колхозный счетовод, догнал его и посулил красного петуха за якшание с немцами, он только буркнул, не оборачиваясь: Поди матери скажи, чтоб нос тебе утерла.

Видели колхозники, издали следившие за избенкой Матвея, как через полчаса сбежал с крыльца внучонок Кузьмина Вася с холщевой сумкой за плечами, как скрылся он в кустах на лесной опушке, сопровождаемый Шариком, как вынес потом на улицу старик свои широкие, подбитые мехом охотничьи лыжи и как стал их натирать медвежьим салом, поглядывая на окна избы, где жил немецкий офицер, уже мерцавшие белесыми огнями в метельных сумерках.

А немцы, между тем, готовились к выступлению. Офицер сидел у стола и при мертвенном свете карбидной лампочки дописывал старое письмо своему брату Вильгельму, работавшему инженером на оптическом заводе где-то в Саксонии.

"Милый Вилли,- писал он,- вот уже месяц, как я начал это письмо и все не могу его кончить. Не потому, что у меня не хватает времени. Нет! Времени больше чем достаточно. Последние месяцы, чтобы убить время, мы, сидя в этих проклятых лесах, повторяли все одни и те же дурацкие учения, которые нам никогда не пригодятся, так как эти русские перевернули войну с ног на голову и воюют без всяких правил. Просто сегодня мы выступаем, и я хочу кончить это письмо до того, как снова испытаю судьбу...

...Поздравь меня: я сегодня, кажется, одержал большую и, признаюсь, неожиданную победу. Я нашел ключ к этой проклятой загадочной русской душе, которая доставляет нам столько хлопот. Ничего нового, дорогой брат, это старый, добрый ключ, который открывал нам сердца во всей Европе. Денежки, мой милый, обычные, умело преподнесенные денежки, которые, к сожалению, в этой стране мы мало предлагаем, полагая, что эти советские русские - народ особенный и что тут убедительнее звучат автоматы молодцов

господина Г. Ты помнишь, я тебе писал в январе о местном патриархе-охотнике, с внешностью короля Лиры, с каким-то собачьим именем, которое я никак не могу запомнить (черт бы побрал эти русские имена!). Сегодня я проэкспериментировал на нем, и представь себе, дорогой Вилли, эксперимент блестяще удался. Для виду поколебавшись, он согласился доставить нас сегодня... Ну вот, Курт уже докладывает мне, что батальон готов выступить. Прощай, любимый брат, обнимаю тебя, как прежде, а письмо, видимо, придется дописать в другой раз..."

Когда стемнело, горнострелковый батальон на лыжах, в полном вооружении, с пулеметами на саночках, вышел из деревни, и, свернув с большой дороги, стал втягиваться в лес. Впереди размашистым, охотничьим шагом скользил на своих самодельных широких лыжах Матвей Кузьмин. Тьма стучалась. Сеяло сухим, шелестящим снежком, и скоро мгла так уплотнилась, что лыжники стали видеть только спину впереди идущего. Старик вел немцев прямо по целине.

Всю ночь отряд шел по сугробам, по нехоженому насту, тянулся по оврагам, по руслам замерзших лесных ручьев, проламывался сквозь кустарник. Офицер, следивший за маршем по компасу, много раз останавливал шедшего впереди Матвея и через переводчика спрашивал, почему дорога так петляет и скоро ли конец пути. Матвей неизменно отвечал: Шоссеек в лесу нету... Обожди, ваше благородие, к утру будем, - и напоминал о ружье.

Постепенно теряя силы под тяжестью оружия и боеприпасов, тащились немецкие стрелки громадным, вековым лесом. В потемках они натыкались на деревья, цеплялись за кусты, наступали друг другу на лыжи, падали, поднимались, и им начинало казаться, что этот невидимый лес, тихо и грозно шумящий в ночном мраке, нарочно подбрасывает им под ноги эти-сугробы, цепляется за одежду когтями кустов, расставляет на пути деревья. Окрики ефрейторов уже не могли собрать измученной, растянувшейся колонны.

Когда забрезжил желтый морозный рассвет, авангард отряда вышел, наконец, на опушку и остановился на поляне перед глубоким, поросшим кустарником оврагом.

Ну, кажись, пришли. Матвей Кузьмин свое дело знает,- сказал старик. Он снял с головы шапку и вытер ею "вспотевшую лысину. И пока измученные офицеры нервно курили, сидя прямо на снегу, с трудом держа сигареты в окостеневших, дрожащих пальцах, пока ефрейторы гортанными криками выгоняли на поляну последних оставших стрелков в грязных, изорванных в дороге маскхалатах, Матвей Кузьмин, стоя на пригорке, улыбаясь, смотрел на

розовое солнышко, поднимавшееся над заискрившимися, засверкавшими снежными полями. Не скрывая усмешки, косился он на немцев.

Утро было морозное, тихое, с хрустом оседал под лыжами наст. Звучно чирикали в кустах ольшаника солидные красногрудые снегири, деловито лущившие маленькие черные шишки. Где-то совсем рядом тьякнула собака. Матвей Кузьмин свое дело знает, - повторил старик. Торжествующая улыбка выскользнула из-под зарослей бороды, разбежалась лучиками морщин, осветила его хмурое лицо. И вдруг тишина была распорота сухим треском пулеметных очередей.

Взвизгнули пули, взбивая под слюдой наста острые фонтанчики снега. Эхо упругими раскатами пошло по лесу. С шелестом посыпался иней с потревоженных ветвей. Пулеметы били совсем рядом, почти в упор. Лыжники, не успев даже сообразить, в чем дело, оседали на наст со страхом и недоумением на лицах. А пулеметы строчили, строчили, пороли и пороли снежную равнину, огнем своим сжимая колонну с двух сторон. Опомнившись, немцы бросились в лес, но уже и там, за кустами, сердито рокотали автоматы... Солдаты, бросив лыжи, с криками ужаса метались по поляне, увязая в сухом снегу. Сверкающий наст покрывался грязными комьями маскировочных халатов. Опомнившись, офицер бросился к старику.

Матвей Кузьмин стоял на холмике с обнаженной головой. Его было видно издалека. Ветер трепал его бороду, развевал седые волосы, обрамлявшие лысину. Глаза его, сузившиеся, помолодевшие, насмешливо сверкали из-под дремучих бровей. Он торжествующе следил за тем, как стадо овец, даже не пытаясь обороняться, метались немцы.

У офицера волосы шевельнулись под материей трикотажного подшлемника. Мгновение он с каким-то мистическим ужасом смотрел на этого лесного человека, со спокойным торжеством стоявшего среди поляны, по которой гуляла смерть. Потом нервным рывком выхватил парабеллум и навел его в лоб старику.

Матвей Кузьмин усмехнулся ему в лицо издевательски и бесстрашно: Хотел купить старого Матвея?.. По себе о людях судишь, фашист! Старик вырвал из подкладки треуха сотенные бумажки и, бросив их в офицера, предварительно отвернулся от наведенного на него пистолета. Он заметил, что пулеметчики боятся его зацепить и не стреляют в сторону пригорка, на котором он стоял.

Немцы тоже заметили это и старались бежать к лесу, прикрываясь пригорком. Некоторые из них, преодолевая последние сугробы, были уже

близко к спасительной опушке.

Матвей Кузьмин взмахнул мохнатой шапкой и крикнул что было силы: Сынки! Не жалеи Матвея, секи их хлеще, чтоб ни одна гадюка не уползла! Матвей... Не договорив, он охнул и стал медленно оседать на землю, сраженный пулей немецкого офицера. Но и тому не удалось уйти. Не сделав и двух шагов, он упал, подрубленный пулеметной очередью.

А в овраге уже возникло и, нарастая, катилось по полю "ура". Через отполированную ветрами кромку оврага перескакивали автоматчики. Стреляя на ходу, бежали они по поляне, преследуя немцев, посылая им вдогонку веера пуль, настигали, валили на снег, обезоруживали и бежали дальше, в покрытый снежной пеной лес, по следам, оставленным на насте. Вместе с автоматчиками бежал Вася Кузьмин, внучонок старого охотника, которого тот послал через фронт предупредить своих о готовящемся прорыве.

В ногах у наступающих бойцов, захлебываясь злобным лаем, катился, проваливаясь в глубоком снегу, лохматый Шарик. Вдруг он застыл, недоуменно подняв уши. И грохот боя, гулко раздававшийся в лесу прорезал тоскливый, протяжный вой.

Так прожил последний день своей долгой жизни Матвей Кузьмин, колхозник из сельхозартели "Рассвет", что под Великими Луками, славящейся сейчас своими льнами.

Его похоронили на высоком берегу Ловати, похоронили, как офицера, с воинскими почестями, дав три залпа над снежной могилой.

В тот же вечер начальник дивизионной разведки, разбирая документы убитых врагов, прочел недописанное письмо немецкого офицера, которое так и не получил инженер Вильгельм Штайн из Саксонии.

Борис Полевой